Оскорбленные чувства

Автор:
Алиса Ганиева

Оскорбленные чувства

Алиса Аркадьевна Ганиева

Роман поколения

Алиса Ганиева – прозаик, литературный критик, автор повести «Салам тебе, Далгат!» (премия «Дебют»), романов «Праздничная гора» (шорт-лист премии «Ясная Поляна») и «Жених и невеста» (второй приз премии «Русский Букер»), финалист премии имени Юрия Казакова.

Действие нового романа «Оскорбленные чувства» происходит в провинциальном городе России. Однажды в жуткий ливень в машину к Николаю подсаживается неизвестный… С этого начинается калейдоскоп коррупционных страстей, любовных треугольников и детективных загадок. Кто убил министра регионального экономразвития Лямзина? Как может набожная чиновница Наталья Петровна позировать в одном корсете? Спектакли и вернисажи, интриги и искушения, дороги и дураки, шум и ярость – все реалии сегодняшней, заоконной России.

Алиса Ганиева

Оскорбленные чувства

Бесспорно, теперь уже нет того священного и трепетного отношения к доносу, какое было раньше.

Александр Зиновьев. «Гомо советикус»

Глазастые такие.

Федор Сологуб. «Мелкий бес»

Художник Владимир Мачинский

Фото автора на переплете Георгий Кривошеев

1

Под моросящим дождем неуклюже бежал мужчина. «Пьяный, – подумал Николай, притормаживая на красный, – вона как его шатает». Улица уже плавала в сумерках, неверно помаргивая фонарями на алюминиевых столбах. В городских лампах, судя по всему, заканчивалась ртуть. Иван Грозный, – вдруг вспомнилось Николаю, – отравился ртутной мазью, которой лечился от сифилиса. Он втирал ее в ноги. Или ему втирали? На речке, на речке, на том бережочке, мыла Марусенька белые ножки, с кем ты, Маруська, всю ночку гуляла, с кем ты, Ма…

В мокрое боковое окно плашмя ударила большая ладонь. Николай опустил стекло: тот самый бегун. Дорогая куртка, золотое кольцо на пальце, отчего-то взбудораженная, но весьма солидная физиономия. Пьяный, но не забулдыга.

– Подвези, приятель! – неожиданным басом взмолился мужчина, нервно потирая мокрое от дождя лицо.

Я что, на таксиста похож? – обиженно хмыкнул Николай.

Надо, брат, очень надо! Я заплачу!

Ясно ж сказано, я тебе не извозчик!

Светофор вспыхнул зеленым, и сзади нетерпеливо загудели. Но странный мужчина навалился на автомобиль всем тюленьим весом, мешая ходу.

Слушай, топай отсюда! – взбрыкнул Николай, однако неизвестный вывернул перед самым его носом кошелек – тугой, пахнущий молодой телячьей кожей, и вдруг начал швырять пятисотки в салон автомобиля. Купюры посыпались Николаю на плечи, на обозначившийся мячиком живот, полетели куда-то под кресло. Сзади, на дороге, продолжали злобно сигналить.

Да ты совсем того, что ли? – бормотнул растерявшийся Николай и, секунду поколебавшись, разблокировал заднюю дверь. Мужчина, тяжело дыша, залез внутрь и плюхнулся на сиденье. Дверь захлопнулась, машина, ухнув, тронулась с места.

Николай поправил зеркало заднего вида, всполошенно закачались прицепленные к зеркалу четки. «В руках четки, в голове тетки…» – некстати мелькнуло в голове у Николая. Отражение пассажира взволнованно всматривалось в залитое моросью автомобильное окно.

Тебе вообще куда? – строго поинтересовался Николай.

А тебе? – встрепенулся мужчина.

Мне на Центральную.

И мне. Только давай в обход, покружим маленько.

Убегаешь, что ли, от кого?

Мужчина смолчал, продолжая шумно и часто дышать. Спиртным от него не воняло, и это было удивительно. Николай задумчиво уставился на мокрую дорогу. Он читал где-то, что каждую минуту семь процентов человечества находится в опьянении. Это сколько же получается? Николай поморщился, прикидывая. Пятьдесят миллионов?.. Если этот сопящий батька действительно вдрабадан, от него должно порядком нести. Возможно, запах заглушал кисет с травами, подвешенный женой у лобового стекла. Эфирные масла. Аромасаше своими руками. Неровная вышивка.

Жена сказала, машина подержанная и поэтому отравлена энергией прежних хозяев. Нужен обряд очищения. Держишь над капотом свечку, подожженную

бумажной денежкой, да хоть сторублевкой, главное, чтобы та полностью прогорела, и выкрикиваешь: «За успех уплачено!» Обходишь машину двенадцать раз по часовой стрелке, задуваешь пламя, выкидываешь огарок на пустыре, и дело сделано.

Николай втянул ноздрями лавандовый воздух.

Вы слыхали? – обратился он к пассажиру, переходя внезапно на «вы». – Недавно коллега рассказывал, муравьи, они, это, общаются по запаху, знаете?

Что-что? – зашевелился на заднем сидении мужчина.

Муравьи, говорю. У них феромоны. И вот если один муравей умрет, то на нем еще эти их феромоны остаются, и вся остальная братва с ним неделю балакает, прикиньте. Пока биохимия не выветрится. Думают, что живой. И наоборот, побрызгаешь на живого муравья запахом гнилья, как будто он уже разлагается, и все, конец ему. Несут на кладбище, – Николай засмеялся. – Он, бедняга, сопротивляется, убегает назад, в муравейник, а его снова хвать – и тащат хоронить. Ну вообще, да? Дают!

Пассажир, кажется, сообразивший, о чем речь, согласно закивал. Он продолжал сопеть, и рука его нервно сжимала модную куртку в районе груди.

Я не знал, что у муравьев есть кладбища.

Да у них, наверное, и тачки есть свои, я не удивлюсь, – хохотнул Николай. Он вдруг развеселился оттого, что без всякой мысли, вот так, с кондачка поймал пассажира. – А чего «убер»-то не взяли?

Мужчина помрачнел.

Убер-бубер… Чтобы меня выследили, куда я, откуда? Нет, с меня хватит.

Да кто за вами следит?

Но попутчик снова замкнулся и замолчал.

У каждого свои страхи, – задумался Николай вслух. – Некоторые боятся телефон дома забыть. У меня дочка такая. Даже название у этого есть. Забыл. Какая-то там фобия. Микробов боятся. Постареть. Кротов, самолетов, золота, слепоты. Заболеть раком, наступить на дерьмо. Жениться. Влюбиться. Пернуть на людях. Оказаться на сцене перед толпой. Врачей, тещу, собственного отражения в зеркале. Вшивости, радиации, СПИДа, террористов. Заснуть и не проснуться, обнаружить волос в тарелке с ужином. Клоунов, компьютеров, сквозняков. Неприятного запаха изо рта. Пустых залов. Тоннелей, высоты, воды, денег, лекарств. Нечистой силы…

Вы кем работаете? – неожиданно прервал его пассажир.

Я? В строительной фирме. А вы?

В строительной? – оживился мужчина. – В какой?

И вы, что ли? – Николай снова поправил зеркало, пытаясь поймать в нем лицо собеседника.

Но вместо ответа мужчина снова вглядывался в мокрую темень.

Это мы где?

Как вы просили. Сейчас здесь по обходной проедем, а там – на Центральную.

Мужчина, кажется, стал успокаиваться. Он отвлекся от окна и произнес доверительно:

А насчет страхов… Я тоже телефона в последнее время бояться стал. Всюду глаза, понимаете?

Николай, кажется, понимал. Помутнение рассудка. Бред преследования. Эта, как ее, параноидальная шизофрения. Она прокрадывалась в город постепенно и теперь, кажется, душила каждого встречного-поперечного. Знакомые Николая все чаще во время беседы садились на свои мобильные, подложив их под теплые ягодицы, заклеивали видеоглазки ноутбуков изоляционной лентой, входили в Сеть на цыпочках, через анонимайзеры…

В уме у Николая воскресали смешные старые плакаты. «Не болтай у телефона, болтун – находка для шпиона». «Враг хитер, в нем зверина злоба – смотри в оба»… Теща прибежала из поликлиники возбужденная. Вскрылось, что склянки с мочой и калом пациентов отправлялись в коммерческую медлабораторию. И оттуда – якобы прямиком зарубежным агентам для какой-то чудовищной диверсии. Какой именно, никто не мог вразумительно объяснить, но лабораторию уже прочесывали люди из органов. А вся шумиха из-за одного случайного заявления куда следует. Бдительный гражданин. «Где бдительность есть, там врагу не пролезть»…

Николай еще раз прокрутил в голове по-птичьи растревоженные жесты тещи… Хорошо, ему далеко до пенсии. Гиблое дело. Гречка и черный хлеб. Вспомнился анекдот, услышанный вчера от Степана, коллеги по генподряду:

«– Справочная слушает.

– Алло, внученька, дай мне телефончик, ну, где пенсию платят.

– Извините, международные переговоры не заказываем…»

Николай ржал, мымра Беляева косилась на них неодобрительно. Это, мол, на что вы такое намекаете.

С работой, кстати, Николаю повезло, устроился через друга. Отдел снабжения, крупные заказы от мэрии и правительства. Недавно сдавали ледовую арену для спортивного праздника. Мелькали камеры, колыхались красные ленточки, журчали пышные речи. Потом у арены потекла стена: не успели правильно залатать стыки. Все шишки – на субподрядчика… «Надо было, – шутил Степан, – делать как китайцы, когда они свою великую стену строили. Добавлять в цемент вареного риса».

Риса Николай не любил, а часть заказанной на арену металлочерепицы, говорят, обнаружилась на новенькой крыше хозяйкиного загородного коттеджа. Марина Семенова – генеральный директор. Молодая кровь, холеные руки. Николай видел ее живьем лишь однажды, на новогодней пьянке. Зато масляный ее портрет висел в приемной для посетителей. Кисть модного художника Эрнеста Погодина. Соболиная шуба, дерзкий прищур. Легкие мазки, глазурь или лессировка. Золотая неподъемная рама. Постоянным клиентам скидки.

Машина пошла толчками, черная дырявая дорога щерилась ямами, колеса шлепали по лужам. Николай выругался. Асфальт лежал прошлогодний, заливали прямо в снегопад, вперемешку с грязью, лишь бы успеть к отчету. И вот, пожалуйста, хлябь и овраги.

Скоро? – захрипел пассажир.

Да вы ж меня сюда и загнали, что урчите теперь. Сейчас вылезем, – кинул Николай через плечо.

Дождь участился и лил густо и жадно, шлепая по кузову нахраписто, как будто мужская ладонь по мясистым женским бокам. Дворники отбивали беспокойный тахикардический ритм. По сторонам уже не видно было деревянных жилых бараков и пошел сплошной бетонный забор. Плита ограды ПО-2. Выпуклые ромбики. Надписей в наступившей темноте не разглядеть, но парочка самых крупных держалась годами, Николай их помнил. Разлапистое объявление «Тамада-баянист» с номером телефона и скособоченное, полустершееся восклицание «Россия для грустных!»

Ну что, сейчас за угол и свернем. Вы там как? – окликнул Николай болтавшегося сзади пассажира, но тот, кажется, начинал клевать носом и только прохрипел что-то неразборчивое.

«Еще не хватало, чтобы его там стошнило», – подумал Николай. Под колесами стало совсем рыхло, автомобиль заревел, взбалтывая лужу в грязную пену.

Буксуем! – закричал Николай, давя на педаль до упора. Еще и еще. Шина зацарапала сломанный край асфальта, тяжелый перед приподнялся, машина задрожала со стоном, но, не выдержав, скатилась назад, в водное месиво. Тяги не хватало совсем капельку. Вот если бы пассажир на секунду вылез из машины…

Николай обернулся. Мужчина полулежал, прильнул к боковой двери и, кажется, совсем вырубился.

Эй, дядя! – позвал его Николай. – Застряли! Вылезай.

Молчание. Никакой реакции.

Йогурт-маракуйя, – процедил Николай раздраженно, задрал ворот плаща и стал аккуратно выбираться наружу, в бурлящее и мокрое нечто.

Нога его сразу провалилась по колено в холодную воду. Николай ругнулся еще сильнее и начал осторожно, стараясь наступать в самые мелкие места, огибать утонувший багажник машины. «Этот гусь там, сзади, совсем в зюзю, он меня не подтолкнет. Ничего, сам не вырулю, кто-нибудь тормознет, поможет», – подумал Николай, ежась от зябкой дрожи. На дороге, правда, стало совсем безлюдно, только прогромыхал, обдавая его издали серой волной, неказистый большегруз.

Добравшись до задней двери, Николай пару раз стукнул костяшками пальцев по стеклу, но попутчик его даже не шевельнулся в ответ. Нос его, прижатый к стеклу, белел бесформенной блямбой.

Давай же, – промычал Николай, дернул за ручку, распахнул дверь настежь.

В тот же момент мужчина вдруг вывалился из салона и, как подкошенный, рухнул Николаю под ноги. Лоб его ударился о кривой, торчащий из лужи бордюр, руки неестественно смялись под тяжестью туловища. Короткие ноги в изящных лакированных полусапожках скрылись под черной водой. Мужчина не двигался.

Слушайте! – лихорадочно глотнув, закричал Николай не своим, а каким-то чужим, визгливым голосом. – Вы что, играетесь тут?

Присел на корточки и затряс мужчину за плечо. Тело его было совсем бесчувственно, а по лбу бежала тонкая кровавая струйка, которую тотчас смывало дождем. Один глаз замороженно пялился на пляшущую от капель дорогу. Второй прятался в землю. Мелко постукивая зубами, Николай положил подушечки пальцев мужчине на кадык и соскользнул в сторону, до мягкого углубления в шее. Замер, подождал. Пульс не прощупывался. Тогда его осенило: в мобильном должен быть фонарик; главное, не привлекать внимания проезжающих. Впрочем, машин на дороге так и не было. Выходной, нежилая окраина. Ни освещения, ни живой души.

Он включил фонарик и направил пучок света в обращенный наружу глаз. Зрачок не реагировал. По груди Николая, несмотря на пронзительный холод,

покатились капельки пота. Надо было действовать. Звонить в полицию? На него, конечно, сразу повесят убийство. Нет, ни за что. Порыться в куртке мужчины, поискать паспорт, сотовый? В кошельке покойного должны быть кредитные карточки… Нет, нельзя – отпечатки.

Бежать, оставалось только бежать! Николай схватил мужчину за ворот кожаной куртки и потащил наверх, на подобие тротуара, прямо к забору. Мокрая куртка, ставшая совсем гладкой и как будто жидкой, как деготь, выскальзывала из скрюченных от натуги рук, сердце глухо бахало в своей костяной клетке. «Скорее, скорее», – долдонил Николай про себя. Оттащив труп, ударил по карманам плаща – всё на месте, ничего не выронил в лужу. Побежал к водительскому сиденью. Запрыгнул, закрылся, положил ладони на руль, выдохнул. Тронулся.

Он почему-то подумал, что купюры, брошенные погибшим в салон, сейчас мокли у него под креслом, под капающим плащом. «Зачем, зачем я впустил в машину этого чудилу!» – крутилось в голове Николая шарманкой. Он выехал на освещенную улицу и помчался сам не зная куда сквозь ливень. Валявшийся под дождем несчастный его попутчик вцепился клешнями в память. Прямо сейчас его тело лежит у бетонного забора, лицом вниз, ноздрями в грязи. Новопреставленный… Если и был по случайности жив, то теперь уж точно задохнулся. Загривок приподнят, мокрый кожаный ворот задран. Николай подумал о том, что мертвые могут двигаться и после смерти. Электрохимия. Движение сократительных мышц. Дергание конечностей, сцепление пальцев рук. Шальной поворот головы под давлением внутренних газов. Внезапный стон от игры воздуха по голосовым связкам… Может, и этот сейчас выгнулся кошкой, вздыбился колесом.

Где-то в бардачке трезвонил медленным колокольным перезвоном телефон. Разыскивала жена. Николай должен был давно вернуться домой от бывшего однокурсника. Тот зазвал Николая к себе в гости, в частный домик, которых много попадалось в городе. Хотел по дружбе заказать натяжной потолок в гостиную по оптовой цене.

Бензопила «Дружба» – неожиданно вспомнил Николай и ужаснулся, что думает о какой-то беспросветной чуши, но чушь цепко клеилась к сознанию. «Дружба». Одноцилиндровый карбюраторный двигатель. Мощность – четыре лошадиные силы. Названа в честь трехсотлетия воссоединения Украины с Россией в 1954 году. Гетманщина и Русское царство. Пятьдесят четвертый, это значит, через

шесть десятков лет… Сначала восстановление дружбы, потом восстановление исторической справедливости, потом… Восстановление влажного гипсокартона… «Черт, черт, что это прет мне в голову?» – простонал он вслух.

Перезвон настойчиво повторялся. Нет, сейчас Николай не мог ни с кем говорить… «С какого колокола начинается мелодия? – вдруг встревожился он. – С малого или большого? Если с малого, то перебор похоронный. Так, кажется. Или не так?» Николай навострил ухо, как будто от порядка колокольных нот зависело его будущее. Но мелодия внезапно оборвалась.

Он в который раз обогнул облупившийся бывший Дворец пионеров и понял, что кружит вокруг одного и того же квартала, по одним и тем же перекресткам. А что если его приметили дорожные веб-камеры? Впрочем, потоп, наверное, выбил их из строя. Николай притормозил у ближайшей обочины, заглушил двигатель и тупо уставился на пузырящееся лобовое стекло. У его матери была аллергия на дождь. Когда с неба лило, у нее краснели глаза, сип голос, вскакивали прыщи. Она боялась дождя, запирала окна, уходила в дальнюю комнату. Боялась… Тот мужчина сказал, что он боится.

Николай снова и снова прокручивал в памяти, как неизвестный вываливается из его автомобиля. Лбом о бордюр. О бордюр. Вибропрессованный бортовый камень… Рука Николая дернулась с дужки руля и судорожно нажала на клаксон. Какие-то размытые силуэты, бегущие мимо, по тротуару, замерли посмотреть, откуда гудок, и тут же юркнули в дом, складывая зонты. Это была кофейня.

Уже через несколько минут Николай тоже сидел внутри. Он услышал, как его собственный голос совершенно независимо от него и довольно бойко обратился к официантке и потребовал чашку кофе.

И молоко не забудьте.

Молоко закончилось, – ответила официантка. – Могу предложить американо.

Николай согласно кивнул. Официантка была юной, наверное, ровесницей его дочери. Волосы, заплетенные в косу. Бордовый фартук. Легкое косолапие. Она скрылась за столиками, где, сдвинув макушки, жужжала веселая молодежь. Кафе оказалось людным. Мужская компания громко гаганила в углу. Широко обнажали десны, блестели золотыми зубными коронками. Николай почему-то

вспомнил подругу жены, которая подцепила гепатит в городской стоматологии. Зубная паста Colgate. Якобы в переводе с испанского это означает «иди и повесься». Иди и…

Николай схватился за гудящую голову, не в силах избавиться от крутящейся в ней ерунды. Думать о чем угодно, лишь бы не вспоминать пустой и влажный взгляд того, кто расстилался сейчас ничком под дождем, в темноте. Николай пощупал свои штаны – мокрые насквозь, недолго и простудиться, оледенеть. Снова промелькнул в голове никчемный вопрос: почему горячая вода превращается в лед быстрее холодной?.. Если ночью ударят заморозки и лед скует лужи, что станет с его покойным попутчиком? Его, небось, уже совсем затопило.

Официантка звякнула перед Николаем кофейной чашечкой. Черное донышко, белая каемка. Отвернулась, пошла на зов смеющейся компании. Вот самый громкий, с золотыми коронками, рассказывает что-то шутливое, она смущается, вертит косой. Над ними, на плоском экране, подвешенном на стену, беззвучно идут местные новости, кадр за кадром. Осмотр поврежденных электропроводов, старушка в байковом халате, с коричневыми руками жалуется на отсутствие света, гладко причесанная ведущая в студии беспорядочно двигает ртом.

Николай пригубил кофе и зажмурился от горечи. Снова поднял взгляд на экран. Показывали какого-то чиновника на фоне городского пейзажа. Знакомое, но при этом незапоминающееся лицо, овальная фигура, лихо расстегнутая модная куртка…

Неужели! Вдруг Николая пронзила острая, буравящая догадка. Он вперился в лицо говорящего. Как же он его не узнал? С экрана прямо на Николая глядел и вещал его недавний попутчик. Верно ли, правда ли? Николай зажмурился и вновь распахнул глаза. Да, это был тот самый мужчина. Тот самый, оставшийся валяться на дороге. Сомнений быть не могло. Николай от волнения сделал огромный глоток, обжегся, спешно выплюнул кофе на блюдце, вытянул губы трубочкой, всасывая воздух. На экране продолжал энергично покачивать подбородком Андрей Иванович Лямзин, не кто иной, как областной министр экономического развития. Ныне покойный, о чем пока никто, кроме Николая, не догадывался.

Его затошнило, и мучительно захотелось в туалет. Он встал и пошагал в уборную быстрой, но заторможенной походкой.

2

– Стойте, совсем ничего не украли? – изумилась секретарша Анечка.

– Официально никаких комментариев, но журналист из «Сирены», как его, Катушкин, пишет, что у покойного при себе нашли кошелек и телефон. Только плата промокла, – кивнул Степан.

– То, что сочиняет ваш Катушкин, надо делить надвое. Вот передадут в нормальных новостях, тогда и узнаем, – раздраженно окоротила его Беляева и начала с шумом заправлять степлер.

Николай сидел в углу кабинета отдела снабжения и подавленно чинил карандаш. Коллеги с утра обсуждали кошмарную новость, перемалывая одно и то же на разные лады. Начальство побежало куда-то наверх совещаться. Внезапная смерть министра Лямзина угрожала большим строительным проектам фирмы. Информационная лента волновалась. Интернет стоял на ушах.

– Странно, как он оказался на обходной один, – в который раз произнесла Анечка.

– Странно, что его вообще нашли, – с охотой откликнулся Степан. – Туда «Водоканал» никогда не доходит. Они даже на главной площади лужу третий год не могут выкачать. А тут вдруг решили проехаться по городу, осмотреть последствия ливня. Слышь, Коля? Опомнились. А не то министр до сих пор бы на обочине валялся. Его бы уже собаки ели.

Николай мыкнул нечленораздельно. Беляева яростно защелкала степлером. Все в отделе откуда-то знали, что у нее алопеция. Очаговая потеря волос. Беляева тщательно скрывала проплешину шиньоном. «Шиньоны и парики, покупаем волосы дорого» – такое объявление висело у Николая в лифте. Дочь вчера за завтраком рассказывала, раньше при дворах по утрам носили черные парики, днем коричневые, а вечером белые. Принцип контраста. Вчера за завтраком – еще до катастрофы… Деревянные юбочки с красной каймой падали из-под точилки, карандашный грифель матово поблескивал.

А сколько он там пролежал? – спросила Анечка.

Елкин пень, мы ж вместе сводку читали. Не больше двенадцати часов. Ничего другого пока не сообщают, – отозвался Степан, вышагивая по комнате. – Ты, Коль, как думаешь, сам умер или кокнули?

– Мог и сам… – промямлил Николай.

Слыхали анекдот? – гоготнул Степан и, как всегда, не дожидаясь ответа, продолжил: – Спорят банан и сигарета, у кого смерть страшнее. Банан говорит: «Моя смерть ужасна. С меня снимают кожу и съедают живьем». А сигарета ему такая: «Это еще ничего. Вот мне поджигают голову, а потом еще сосут через задницу, чтобы голова не гасла».

Степан сипло заржал. Анечка покраснела. Беляева поджала губы и возмущенно загромыхала ящиками стола.

А такой знаете? – воодушевился Степан, не обращая на нее внимания и продолжая ходить из угла в угол. – Появилось у мужика черное пятно на потолке, а через день он умер от инфаркта. Потом в другой квартире – то же самое, жилец заметил черное пятно на потолке. И тоже на следующий день умер от инфаркта. И тогда пятно возникло в квартире у Иванова…

Надоели эти анекдоты, – шумно вздохнула Анечка.

Пятно, значит, у Иванова, – повысил голос Степан. – Тот звонит в ЖЭК. «Але, – говорит, – у меня тут черное пятно на потолке. Можно отремонтировать? Хорошо. А сколько это будет стоить?» Ему на том конце что-то ответили. «Сколько?» – переспросил Иванов – и умер от инфаркта.

Степан снова захрюкал.

Когда вы умрете, Степан, я тоже посмеюсь, – отрезала Беляева, встала и вышла из комнаты. В коридор хлынули оживленные голоса; мимо их кабинета, в облаке мужского гомона, простучали женские каблуки. Анечка подскочила к двери, выпорхнула следом, потом просунула голову внутрь, оповестила страшным шепотом: «Семенова приехала!» – и снова скрылась.

Ну, гендиректорша здесь, значит, дело горячее, – заключил Степан и подсел к Николаю. Тот кончил крутить карандаш и теперь тупо хлопал глазами, глядя на лежавший перед ним настольный календарь, на котором снизу стояли числа месяца, а сверху, под надписью «России верные сыны», на фоне золотых куполов скакали куда-то в закат конные богатыри.

Степан посмотрел на Николая, вздохнул и спросил еле слышно:

– Знаешь ведь, что Семенову нашу на допрос вызывали?

Николай встрепенулся:

Зачем?

Как зачем? Лямзин ведь ее хахаль был. А ты не в теме, что ли?

До Николая все время долетали какие-то смутные намеки и слухи, но за всю прошлую бессонную ночь он почему-то ни разу о них не вспомнил.

И что? – уставился он на Степана.

А то, что вчера она вроде как ждала его к себе. Лямзин шофера отпустил, поехал к ней на такси. И вроде как доехал. Но к ней не поднялся. Семенова так его и не дождалась. Якобы. Может, звездит. Теперь, небось, прибежала документы жечь.

Какие документы?

Коля, не тупи, – Степан затараторил быстрее, скатившись в скороговорку, – ты думаешь, почему мы самые крупные тендеры брали? Лямзин все чужие заявки отклонял, придумывал поводы. Сроки, мол, не те или оформили криво. А мы в дамках. Ледовая арена – у нас, новая поликлиника – у нас, реконструкция вокзала, на которой мы три года сидели, пилили, – тоже у нас. А это, помнишь, транспортный мост…

Помню, как же. Там неожиданно оказалось, земля не городская. Пришлось выкупать у левой конторы.

Правильно, а контора чья? – хитро прищурился Степан.

Хрен его знает.

Семеновой! Только на мужа сестры оформлена. Так что ей из бюджета аж дважды отстегнули. И за землю, и за подряд. А Лямзин помогал. Ну и себя не забывал. Баловал откатиком.

И как его не раскусили до сих пор? – удивился Николай, стряхивая с себя оцепенение.

Видать, все-таки раскусили. Лямзин в последнее время ходил по лезвию. Мне ж наш управляющий сегодня выдал, что, по слухам, покойника травили этими, как их, анонимками. Типа, всё знаем, всё расскажем кому надо. Доложим губернатору. Ну или что-то в этом духе. Вот он и мандражировал.

– Значит, доносчик его и убил? – выпалил Николай.

Степан зацыкал, махнул на него рукой:

Это только слухи, и ты лучше помалкивай.

В коридоре снова раздались отдаленные звуки, гул шагов, чьи-то неразборчивые восклицания. Степан встал, приоткрыл дверь, выглянул наружу, пожал плечами, потом метнулся на свое рабочее место и заерзал мышкой компьютера в поисках новых известий. Николай тоже уставился на экран, на страницу городского форума. Обсуждали убийство министра. Но взгляд его плавал, и он не мог сосредоточиться. «Возрастной жир боится, как огня, обычной дешевой…» – завлекала его яркая пульсирующая картинка сбоку. «Чтобы в 65 лет выглядеть на 43, возьмите в привычку за 10 минут до сна…» – не договаривала вторая. Отовсюду моргали висящие бока, розовые бородавки, раздувающиеся до третьего размера женские грудки.

Степ, у нас же перерыв вроде. Я с дочкой обещал пообедать, – произнес наконец Николай, отрываясь от экрана. – Через час вернусь.

Давай, – отозвался Степан не глядя.

Николай спешно оделся и вышел на улицу. Было ветрено, зябко, промозгло. Иногда в лицо ударяла заблудшая капля. Небо как будто распарывалось по швам на серые, клочковатые лоскуты. Николай вспоминал потерянный взгляд Лямзина. Выходит, за ним и вправду следили. Это не паранойя, а ровно наоборот. Или ровно наоборот – это тоже диагноз? Кажется, прония. Когда веришь в заговорщиков, которые пытаются тебя не погубить, а спасти. В памяти всплыла некстати история учителя музыки из Хорватии, пережившего одно крушение поезда, одно авиапроисшествие, три автоаварии. Два раза горел, один раз тонул в ледяной воде. Падал в пропасть – зацепился за дерево. Невидимое спасение.

Путь Николаю преградил одноногий молодой мужчина в военной форме, на старых деревянных костылях. Резиновые рубчатые наконечники костылей ввинчены в мокрую грязь, на грудном кармане куртки – бант из георгиевской ленточки, на загорелом лбу – гармошка морщин.

Не будет сигаретки ветерану Донбасса? – вежливо поинтересовался безногий.

Не курю, – ответил Николай и, аккуратно обогнув ветерана справа, двинулся дальше, к своей машине.

Слушай, ты, борзый, – застучал ветеран костылями следом, – пока ты грел свою задницу в тылу, я нашу общую родину защищал, понял?

Понял, – покорно ответил Николай, роясь в кармане в поисках ключей.

Я за таких же русских, как ты, ноги лишился.

Я вас не просил, – ответил Николай.

Дай на протезы, добрый человек. На лекарства дай, а! Нас, ветеранов, чинуши кинули! Поматросили и бросили! Пожертвуй пару тысяч, слышишь! – голос попрошайки вдруг резко стал добрым, маслеными.

Николай молча полез в машину, а ветеран кричал все громче и громче, пока не раззадорил сам себя до ругани.

Да ты не лучше фашистов, унитаз обдолбанный. Я, гондурас вареный, твои номера запомнил, понял? Я не один, нас много! Мы тебе, педрила, капот расцарапаем…

Дальнейшие угрозы потерялись в реве заводящегося мотора. Николай медленно развернулся. «Фашист! Фашист!» – снова послышался ор разгневанного ветерана, и машина стала осторожно выезжать со двора, еще залитого глубокими лужами после вчерашнего ливня. В зеркале заднего вида дрожало отражение одноногого. «Еще десять лет, – подумалось Николаю, – и людям начнут выращивать конечности искусственно, только плати». Нужна только чья-нибудь мертвая нога. Каркас. Потом добавляешь туда мышечные клетки нового хозяина, кладешь в инкубатор, подключаешь кислород… Можно ли было оживить Лямзина? Искусственное дыхание. Николай даже не попробовал. Возможно, тот был еще жив. Как определить? Заявление о смерти – статья 66…

После бессонной ночи голова его работала вполсилы. Дома жена допрашивала, где он так промок. Соврал, что не мог завести машину, толкал сзади. Придавал импульс. Импульс – масса, умноженная на скорость? Кажется, так. Скорость семяизвержения – пятьдесят километров в час… Николай посмотрел на качающуюся стрелку спидометра, потом выше, на лобовое стекло – и вдруг заметил, что под дворником к стеклу прижата сложенная бумажка. Он затормозил, выскочил из машины, выковырял пальцами… Плотный лист для принтера, черные порошковые чернила. Крупными буквами горизонтально отпечатано: «Убийца». Всего одно слово. Николай одеревенел. Кто? Кто подложил бумажку? Он оглянулся воровато. На выезде со двора – никого. Только усталая мамаша тащила за собою мальчика с ранцем и угрюмо чесал куда-то мужчина с пакетом. Ветеран, неужели ветеран?

Николай вернулся в машину смятенный и газанул. Руки на баранке дрожали, и несколько минут в мозгу его копошилась одна тяжелая чернота. Потом из обрывков начали складываться мысли. Положим, записку подсунул одноногий, но кто его нанял? Наняли или сам? И зачем, и зачем Николай не дал ему денег? Ведь можно же было отстегнуть. А если не калека, то кто? Выходит, за ним следили.

Брошенная записка тряслась на соседнем сидении. «Убийца!»… Николай соображал, как вычислить автора. Говорят, раньше по шрифту можно было выйти на печатную машинку. Легко ли по чернилам узнать номер принтера? И если да, то справится ли сам, без криминалистов? Но подумав о криминалистах,

Николай совсем расквасился. Вот если бы чернила были цветными. Он слышал, что цветные принтеры кодируют свой автограф на каждом листе бумаги. Маленькими, еле видимыми желтыми точками.

Впереди остановился троллейбус. В мутном заднем стекле колыхались размытые лица пассажиров. Показавшийся снаружи водитель в оранжевой жилетке полез на заднюю лесенку присобачивать троллейбусу отцепившиеся рога. Троллейбус… В Мурманске самый северный в мире, а самая длинная линия где? В Крыму? Водитель кончил возиться с проводами и бодро спускался вниз. Водитель – это ведь от слова «предводитель», начальник? Или от чего? А шофер по-французски «кочегар», дочь говорила. Почему кочегар? Видать, потому, что первый транспорт топили углем. Поезд возник раньше автомобиля… Троллейбус медленно тронулся, и Николай почему-то – за ним, не объезжая.

Ему захотелось выбросить треклятую записку. Но как? В окно? Он дотянулся до соседнего кресла правой рукой, развернул бумажку, покосился на нее. «Убийца!» Да еще и с восклицательным знаком. Может, кто-то из коллег? Беляева, озлобившись, улепетнула куда-то. Николай представил, как она, ссутулившись, запихивает бумажку под дворник. Но откуда она узнала? Нет, это все бред, это ему снится. Снится. Николай схватил листок, смял что есть силы и не глядя вышвырнул в спущенное стекло, под мокрые колеса. И тут же услышал, как громко, требовательно заурчал его живот. Но остановиться, отдышаться, зайти в кафе поесть он был не в состоянии, пальцы все еще не желали уняться от дрожи. «Кто, кто, кто», – бормотал Николай, но уже автоматически, тупо, как заводской станок, как пулемет. Одно и то же, одно и то же.

В какой-то момент он понял, что едет по тому самому маршруту. Миновал перекресток, на котором к нему в машину впрыгнул Лямзин, – рядом, в элитной новостройке и вправду обитала Семенова, с которой покойный якобы крутил амуры. А теперь движется в сторону обходной, по вчерашним коричневым лужам. Живот заурчал снова. Вдруг нестерпимо захотелось горячих щей. «Вот только гляну, что там…» – думал Николай, сам не понимая, что именно он хотел увидеть на злосчастной обочине. Неужели труп Лямзина? Но вместе с Лямзиным в голову лезла дымящаяся похлебка. Щи да каша – пища наша. А где щи, там нас и ищи. Жена варит неплохо, а он лучше. Главное, чтобы капуста в щах была кислая. И мяса побольше. Свиные ребрышки. Неандертальцы, говорят, тоже готовили суп. Варили бульон в кожаном мешке, но только для больных и беззубых.

Николай закусил толстенькую губу. Вот он, тот самый забор ромбиками. Рваные афиши. Плакат с портретом местной депутатки «У женщины – все сердце, даже голова», большое объявление «Продаем свинину», но почему-то с картинкой Винни-Пуха. Снова подумалось о ребрышках. Доброму добро, а худому пополам ребро. И наконец, то самое место. То, где он оставил вчера своего пассажира. Там переминалось сосредоточенно несколько человек неопределенного вида в гражданском, у одного, кажется, рулетка или что-то похожее. Кто они? Следователи? Рядом, у вчерашней канавы, припаркованы автомобили без мигалок и надписей. Нельзя сбавлять ходу…

Николаю вдруг показалось, что один из мужчин смотрит прямо на него. Спешно отвел взгляд, уставился вперед, на дорогу. Он вспомнил, что для снятия стресса нужно дышать попеременно, то грудью, то животом. Но соглашался дышать один живот. Живот выпирал, вываливался. В Николае восемьдесят девять килограмм, надо худеть. «В тюрьме похудеешь», – хихикнул внутренний голос. Снова завертелись колесики случайных ассоциаций. Элвис Пресли спал по несколько дней подряд, только чтобы не есть. Надо спать, чтобы не есть, а не есть, чтобы не спать… Лямзин тоже был грузным. Но теперь он спит, спит вечным сном. Восьмилетний мальчик-убийца, забивший камнем девочку в какой-то экзотической стране, объяснял, что уложил ее спать. Спят усталые игрушки, книжки спят…

Николай почувствовал, как увлажняются его глаза. Неужели будет плакать? Слезы замужних женщин смешать с розовой водой – получится раствор для врачевания. Бальзам на раны… Степан как-то порезал глаз острым бумажным листом, пришлось носить линзу, чтобы роговица не расползлась в стороны. Рассказать все Степану? Нет, не поймет, разболтает.

Он продолжал гнать, позабыв о голоде и о том, что надо вернуться в контору. Если страх и вправду пахнет, то учуют ли люди, что он боится? Не сдаться ли? Не рассказать ли все как было? Ведь он не убивал Лямзина, он только его подвозил.

Завибрировал телефон. Николай поднял трубку. Жена тараторила:

Колюсь, ну это безобразие полное! Обещали, что свет дадут утром, и где он, спрашивается? Где? И воды нет! Представляешь? Коль, ты слышишь меня?

Слышу, – глухо отозвался Николай.

Ну ты можешь что-то сделать? Я звонила в ЖЭК, там хамят. Полгорода, говорят, без электричества, дожди. А кто их за язык тянул лепить горбатого, сами же обещали, что к полудню закончат. Эти, как их, восстановительно-аварийные работы. К полудню! А сейчас – посмотри на часы!

Ну так и есть, солнце, полгорода сейчас без света, – попробовал успокоить ее Николай, но голос у него получался отсутствующий.

А ты где? – встрепенулась жена.

Вот, на обед еду. Перекусить. Слышала, что министра нашли мертвого?

Лямзина? Конечно! У вас на фирме что говорят? Начальница ваша в курсе, что там именно случилось? Ну эта ваша фифа, Семенова.

А что Семенова?

Ну он же содержал ее вроде. Ты и сам мне говорил.

Я? Забыл уже… – слабо пробормотал Николай.

Поди его жена пришила. В отместку. Надоело, наверное, измены выносить. Задушила и за шиворот выкинула, под забор, – не то шутя, не то серьезно предположила жена. – Не забудешь вечером продукты купить? Я тебе список дала.

Мясо на кости?

Обязательно. И перловки три пачки. Там на нее сейчас акция. Скидка двадцать процентов. Хорошо, Колюсь, не забудешь?

Николай кивнул, как будто жена могла его видеть. Прощался уже твердым голосом. Он вдруг понял, что категорически сдастся. Сдастся сейчас же, даже, пожалуй, не пообедав, чтобы не растерять решимости. Он подбавил скорости, как бы в такт своему настроению. Сырые улицы пролетали мимо вместе с

прохожими. Проносились уныло перекрикивавшиеся электромонтажники в оранжевых касках, и оборванные ливнем провода, и лавки чистильщиков обуви, не то армян, не то ассирийцев. Николай миновал целый ряд сталинок с заплесневевшими балконами, потом обвешанный афишами кинотеатр «Заря» с новым, но уже не работавшим уличным экраном на фасаде, потом уцелевшую в девяностые детскую спортсекцию, где ему когда-то сломали нос. Ринокифоз, так это называлось. Будет эффектный снимок заключенного на фоне линейки. Нажитая горбинка – римский профиль. Сигналетическая фотосъемка.

И пускай. Лучше раскрыться сейчас, чем после, когда дым коромыслом. Надо найти адвоката. Заворочалась, будто хорек в норе, тревога за дочь. Заморочится, застыдится отца, что скажут однокурсники… Не лучше ли сначала поговорить с семьей? Нет, жена заревет белугой. Просила купить перловку…

Николай отчетливо ощутил на языке вкус рассольника с перловкой на говяжьем бульоне. А если еще заправить сметаной…

Автомобиль с силой встряхнуло, и в железном его чреве громко охнула и сломалась передняя ось. Это колесо чебурахнулось в яму.

Ах ты, бляха на сбруе! – зашипел Николай, продолжая зачем-то давить на газ. Но зажатая в капкане, машина лишь рычала и дымила. Николай увидел, как к нему на помощь бежит любопытный прохожий, но в ту же секунду страшно завыл гудок, слева налетело и с визгом ударило в него что-то огромное и неотвратимое. Время растянулось и потекло по капельке, медленно и неумолимо. «КамАЗ! – успел подумать Николай. – Не может быть!» Но тут в ушах что-то лопнуло, заскрежетало, и Николая расплющило насмерть.

3

Капустин, горячо дыша, задрал ей юбку и неловко зашуршал толстыми пальцами по кружевной резинке чулка. Марина Семенова с тоской подумала, что вот сейчас эта противная рука поднимется выше, и ей придется отстраниться и хлопнуть Капустина по плечу, а тот начнет напирать, прижиматься, злиться – и в конце концов дело кончится ссорой. А ссориться с главным областным прокурором ей совсем не хотелось.

Какая ты напряженная, – просипел Капустин в заалевшее ухо Семеновой, схватил ее за густые волосы на затылке и уткнулся мясистым языком в испуганно сжатые Маринины губы.

«Почему бы и нет?» – на секунду подумала Семенова, но язык прокурора был такой неприятный, холодный и толстый, и волосы на запрокинутом затылке так больно оттягивало, что она сдавленно застонала и вдруг оттолкнула насильника с неожиданным остервенением.

Так вот, значит, – обиженно пробормотал Капустин, отпустив добычу и отдуваясь, будто слон после купания, – Андрею Ивановичу было можно, а мне нельзя.

Я его любила, – зачем-то ответила Марина Семенова, уже понимая, как глупо это звучит.

Капустин повеселел и хитро засмеялся:

Ну а как вам его не любить, Марина Анатольевна. Покойный вам весь бизнес подгреб на золотом подносике. Вы как сыр в масле… Если разрешите такое сравнение.

Он присел на краешек кабинетного стола, прямо под большим золотым двуглавым гербом, и в упор посмотрел Марине в глаза, потом соскользнул блуждающим взглядом на полураскрытую шелковую кофточку, обнажавшую розовые ключицы. Она не сразу нашлась что ответить, зачем-то взяла со стола увесистую ручку, которой писала показания, потеребила ее в потных ладонях, положила обратно и только потом произнесла:

Ну видите, я не могла быть заинтересована в смерти Андрея Ивановича. И по камерам слежения в подъезде видно… Он ко мне не поднимался.

А вас никто ни в чем таком не обвиняет! – заверил Капустин, широко улыбаясь. – Наоборот, я вам сочувствую. Кто вас теперь прикроет в случае облавы? Кто, так сказать, обеспечит проектами вашу стройфирму?

Выкрутимся, – надулась Марина.

Конечно, – охотно согласился Капустин. – У вас же помимо прочего еще и эта, как ее, клиника эстетики и косметологии «Василиск». Не говоря уже о недвижимости, которую вы успешно сдаете в аренду трем офисам. Трем офисам и одному ресторану. Видите, я слежу за вашими успехами.

Семенова ударила по столу кулаком:

Вы что, считаете мои деньги?

Нос ее от гнева как-то поехал вширь, нежные и упругие после гиалуроновых уколов щеки задрожали от сдержанного плача. Она понимала, что дала маху, что нужно было нацеловаться с Капустиным вволю, что он не простит ее брезгливости. Но он снова подскочил к ней, как будто давая еще один шанс, и все его одышливое толстое лицо оказалось рядом, а короткая пятерня неуверенно и сладострастно заелозила у нее сзади по тому месту, которым особенно восхищался Лямзин, называя Марину Каллипигой.

– Маленькая, – слюняво зашептал Капустин куда-то в Маринину шею, – ты со мной поделишься. Пятьдесят процентов с дохода, и дело закрыто.

Закрыто? – не поверила Семенова.

Пройдешь мелким свидетелем. Там все просто. У нашего Андрея Ивановича случился разрыв аорты.

Пересказывая этот разговор с прокурором своему единственному поверенному Петру Ильюшенко, Семенова то и дело вскакивала с козетки, нервно прохаживалась по роскошной гостиной и возвращалась на место, чтобы через минуту вскочить опять. Ильюшенко, напротив, держался донельзя расслабленно и даже не сидел, а полулежал в кожаном кресле, далеко вытянув ноги в черной шелковой рясе. Ряса эта всегда раздражала настоящих приходских батюшек, которые считали Ильюшенко дурачком-самозванцем, презирали за словоблудие, бурчали, что семинарии он так и не окончил и рясы носить не смеет. Сам Ильюшенко предпочитал рекомендоваться экуменистом и за стаканом чистого виски обыкновенно спорил о филиокве, мол, формула эта совершенно пуста и бессмысленна, и хорошо бы ее наконец изничтожить и примирить тем самым разлученные церкви. Марина ссужала его деньгами и держала при себе вместо подруг, которых растеряла еще в студенчестве.

Разрыв аорты? – задумчиво произнес Ильюшенко, отправляя в рот шоколадный трюфель с орехом. – А я читал про височную травму.

И?

Ты говорила, вы ссорились накануне.

Петя, ты хочешь сказать, я увезла Андрея в какие-то бермуды и шмякнула головой о бордюр? Ты в своем уме?

Семенова снова встала, от волнения потирая ухоженные ладони. Она вдруг вспомнила белую спину Лямзина, безволосую, с кофейной родинкой на пояснице. Блуждающие его зрачки и перекошенное в минуты близости лицо. Щедрые подарки, всегда с сопроводительной запиской. Отправлял с помощницей Леной, длинноволосой и бесцветной, с прозрачными ресницами и протекшими, как будто облупленными зрачками.

Впервые Лямзин увидел Семенову лет десять тому назад, когда был еще крепеньким дельцом, членом всяческих высоких комиссий и советов. Марина бежала по Центральной улице в белой хлопчатобумажной майке в нахальной и ликующей толпе юных активисток. Майки их были мокры, в руках блестели горлышки бутылок со сладкой газированной водой, разлитой на местном городском заводе. «Тратьте получку на нашу шипучку», – кричали плакаты. Соски студенток-активисток подрагивали в такт бегу, зеленая газировка пузырилась по их голым шеям, летела за шиворот, брызгала и шипела под гогот и крики собравшегося народа. Праздник отечественного пищевого производства. Триумф благополучия страны.

Лямзин был владельцем этого заводика. Он еще не стал министром, и плоский нос его благодушно смеялся толпе, а брови размашисто разлетались кверху. Он глядел на Марину липко и растроганно, как на красивого прирученного зверя. Урвал случай и протянул ей визитку, и она, не жеманясь, поймала ее не очень изящными пальчиками. Через пару дней встретились в ресторане. Он заказал баранью шею, она – маринованного лосося с красной икрой. Запили выдержанным тосканским, и вечер кончился под утро, в номере новенького отеля. Лямзин лежал в спутанных простынях, потный, и не мог отдышаться. «Маречка, Маречка», – шептали его блеклые губы. Он был покорен, раздавлен нахлынувшим счастьем. Марина же бегала по номеру голая, выглядывая в окно,

подскакивая к тройному зеркалу, не в силах сдержать торжества. Она как будто бы чувствовала, что этот мужчина, богатый и деятельный, отныне был привязан, прилеплен к ее подолу.

Я не говорю, что ты его ударила, – пояснил Ильюшенко, похрустывая лесным орехом. – Может, вы поругались, он расстроился, а кончилось этой гадостью.

Мы ругались за день до его смерти. За день. И я его не расстраивала. Его сводили с ума чертовы анонимки.

Они ругались из-за ребенка. Марина возмечтала о младенце, а Лямзин боялся перейти черту. Жена, конечно, знала про постоянную любовницу и ее тучную жизнь, но ребенок стал бы черной картой, крахом привычной жизни. Мало того, Марине хотелось замуж. А Лямзин пасовал, пенял на сына, заграничного студента, на жену, которой всем обязан, и покупал Марине новые драгоценные побрякушки. За десять лет Марина превратилась в роскошную даму, якшалась с мэром и всеми главными лицами города, опекала актеров и певцов, секретничала о моде с глянцевыми журналами, держала косметический салон и моталась на Бали фотографироваться в купальнике. Лямзин постепенно начинал ее раздражать, но ночами ей почему-то страшно его не хватало, и она рыдала в наволочку, а потом бежала в салон колоться коллагеном, чтобы уничтожить следы бессонницы.

Семенова подошла к овальному зеркалу в бронзовой оправе, неодобрительно покосилась на Ильюшенко, сорившего шоколадной крошкой, и с удовольствием перевела взгляд на свое отражение. Лицо натянутое, как персик. Длинные норковые брови. Миндальный изгиб века. Обволакивающий взгляд.

А чего лаялись-то? – прочавкал Ильюшенко. – Он не давал тебе завести ребенка?

Да он мне даже кошку не давал завести, у него аллергия. То есть была аллергия, – вздохнула Семенова.

Кошка ни разу не упоминается в Библии, – зачем-то сообщил Ильюшенко. – Собаки – четырнадцать раз. Львы – пятьдесят пять раз. А кошки – ни разу.

Ни разу? – удивилась Семенова. Она снова взобралась на козетку и теперь теребила полы расписного халата с фантазийными вышивками, привезенного ей

Лямзиным из Китая. Красный цвет – цвет аристократов; простолюдинам, говорят, за красный халат отрубали головы…

Ильюшенко дожевал шоколад, уставившись в потолок, расписанный на заказ шестикрылыми серафимами, реющими среди кучевых облаков. А потом внезапно спросил:

Скажи, Марина, а зачем тебе нужна была эта капуста?

Что? – не поняла Семенова.

Харч, фантики, подкожные, детишкам на молочишко. Все эти темные тендеры. Лямзин же тебе купил эти хоромы, коттедж за городом построил, зачем тебе понадобилась еще и стройфирма, зачем недвижимость? Это алчность?

Ну пошла-поехала поповская канитель! Когда я тебя на море отправляла за свой счет, поехал и не пикнул. И вернулся со свежим загаром. Что же это у тебя сейчас засвербило?

Во-первых, я ездил не отдыхать, – поспешил возразить Ильюшенко, подбирая под себя ноги, – я ездил на научную конференцию по теологии. Вопросы церкви, общества и государства…

Ну-ну! – нетерпеливо вставила Семенова.

А во-вторых, я здесь не собираюсь биться в пароксизмах нравственности, я не ханжа. Не то что ваш духовник.

Не мой, а Андрея Ивановича.

Не важно. Я не учить тебя собрался, а мне просто интересно чисто психологически. Вот зачем?

Как зачем? – пожала плечами Семенова и снова встала. – Мне уже не двадцать пять, сам понимаешь. Клетки мои начинают стареть, кожа теряет влагу…

Хочешь сказать, деньги нужны на ботокс? – прервал Ильюшенко. – Но не столько же! Давай рассуждать рационально.

Так я и рассуждаю! – фыркнула Семенова, начиная злиться. – Знаешь, почем сейчас лазерная эпиляция? За курс уходит тысяч сто, а волосы где не надо все равно вылезают.

Ладно-ладно, – поморщился Ильюшенко.

А массажи! – продолжала, распалившись, Семенова. – А эл-пи-джи-лифтинг? А лазерное облучение крови? А криотерапия? А плазма? А филлеры? И это только начало. Знаешь, сколько стоит пара хороших сапожек? А сумочка от Burberry? А? А платье от Dior?

Семенова схватилась руками за голову и зашагала из угла в угол, распахивая полы халата так, что показались выше колен ее нестерпимо белые ноги.

Успокойся, Мариша, – привстал Ильюшенко и, делая в воздухе неопределенные пассы руками, усадил подругу на место, – ты взвинчена. А я тебя ни в чем не упрекаю. Да, красивой женщине поддерживать себя в форме накладненько. Но тут ведь речь о целых миллионах. Недаром Капустин захлебывается в слюнях. Аппетитик у него разыгрался.

Так чего ты хочешь, Петя? – уже не раздраженно, а примирительно и устало спросила Семенова, покорно откидывая голову назад, на волнистую спинку козетки. Она вспомнила, как Лямзин брал ее прямо здесь. Он вернулся после какого-то совещания у губернатора, сияющий и неуемный, как попрыгунчик. Его прилюдно похвалили, привели в пример. Справился с управлением государственным имуществом. Преуспел в импортозамещении. Простимулировал местное промышленное предприятие «Горизонт», на котором возродили выпуск шлифовальных станков.

С порога, не разуваясь, он стянул с себя ремень, потащил Семенову в гостиную (запнулись о шерстяной ковер, опрокинули фарфоровую вазу), прижал к козетке, повернул ее, как он выражался, взадпятки, задрал платье, отхлестал до тонких красных полос на начинающих пышнеть ягодицах, а после бурно оттарабанил. Узор обивки – маленькие зеленые бутоны, изгибистые цветочные ветки – егозили у нее тогда перед глазами как бешеные, зад нестерпимо горел. Когда это было?

Месяц, всего лишь месяц назад.

Ильюшенко сел подле Семеновой и начал пояснять с расстановкой:

Я вот о чем. Ты действовала по сговору. Любовник подгонял тебе тендеры, ты их срывала тепленькими. Без промашки. С точки зрения деонтологии это неправильно, это преступно. Ну а с точки зрения утилитаризма ты совершенно права. И Андрей Иванович прав. И каждый чиновник, берущий взятку, морально безупречен. И каждый дающий тоже ни в чем не виноват. Консеквенциализм…

Не морочь мне голову, Петя, – оборвала его Семенова.

Мариш, ну ты послушай. Я ж тебе объясняю. Ты ведь не чувствуешь никакой вины, скажем, за то, что у тебя есть коттедж в три этажа, а у профессора философии – двушка в хрущевке и одна морковка в холодильнике. Вон ты даже не доучилась, а шикуешь при этом.

У меня есть диплом.

Это тебе потом в нашем университете вручили, как подарок. Как «спасибо» за крытый бассейн для ректора от вашей строительной фирмы. А отпыхтела ты всего три с половиной курса.

Петя, кончай, – совсем не сердито попросила Семенова.

Так я ж все пытаюсь договорить. Вины ты не чувствуешь. Наоборот, ты рада. И Андрей Иванович, царство ему, был рад. И ректор рад, и твои работнички в стройфирме, и сестра с мужем, и мама твоя в области – абсолютно все счастливы. А утилитаристски, раз вам хорошо, значит, вы и правы. Цель оправдывает средства.

И?

Выходит, что средства таковы, что все кругом якобы разворовано и якобы несправедливо. Но ведь в итоге-то выходят удовольствие и польза. У тебя острова и массажи, у подчиненных твоих – работа и халявный стройматериал, у Андрея Ивановича при жизни – ты. Красавица. И чем больше он в тебя

вкладывал, тем больше ценил. Растущая инвестиция…

Ходишь кругами, Петя… – заметила Семенова, задумчиво пожевывая концы своих каштановых прядей.

Я просто пытаюсь тебе показать, Мариша, что ты все делала по логике. Все. Это как в дилемме заключенного. Представь, что тебя укусила бы какая-то сумасшедшая муха, и ты бы отказалась играть в коррупцию. Вот представь.

Ничего бы не изменилось, – с уверенностью ответила Семенова.

Именно! Нашлась бы другая. И уж она бы своего случая не упустила. Значит, что получается? Нарушать правила никому не выгодно. А если бы миллионы человек в стране разом договорились взяток не брать и не давать, бюджеты не пилить, родню и друзей никуда не протаскивать, то тогда бы, да, тогда бы наступил закон. Но пока хоть один пилит, остальным тоже выгодно пилить, понимаешь?

Да что это ты разошелся так, Петя, – отмахнулась Семенова. – Какие банальные, какие пошлые вещи ты говоришь!

Она встала, подошла к раскрытому роялю, купленному ей Лямзиным к тридцатилетию, и попыталась наиграть навязчивый грустный мотив. Кажется, «Похороны куклы». Но клавиши ее не слушались, и, взяв несколько фальшивых нот, она захлопнула крышку.

Это Чайковский? – отозвался Ильюшенко, снова принявшийся за конфеты. – Ты знаешь, он умер, выпив сырой воды? Может, твой Андрей Иванович окочурился от сырой воды?

Семенова не ответила. Она смотрела на шторы, за которыми стояла в вечер гибели Лямзина. Она тогда ждала, когда же любовник поднимется наверх со двора. И глядела в окно, в которое, безумствуя, дубасил дождь. В последнее время Лямзин все чаще оставался на выходные с женой, отбрехиваясь рабочим завалом. Семенову это злило. Что ему делать наедине с его Эллой Сергеевной, обрюзгшей, массивной, такой неженственной? Подумать только, директор школы. Пастырша подрастающего поколения. А ведь здесь, под шестикрылыми серафимами, Андрея Ивановича ждала она, Марина Семенова, в новеньком, купленном в бутике гипюровом корсете со съемными подвязками. Капельки

духов на шее, груди, запястьях. Тугие локоны до лопаток. И ее, такую, он заставлял мучиться ожиданием.

Я слышала, – сказала наконец Семенова, – что любители классической музыки не так способны на измены, как поклонники рок-н-ролла.

И что же, – поинтересовался Ильюшенко, – признайся мне в качестве исповеди, ты изменяла? Андрею Ивановичу.

Распутник, – улыбнулась Семенова. – Только распутникам такое интересно. Пойду поставлю чай.

Она вышла на кухню, украшенную цветным узорчатым кафелем под печные изразцы, изготовленным по ее приказу. Залила воды в электрочайник, нажала на кнопку. Чайник загорелся голубым светодиодным светом.

Изменяла или не изменяла? Можно ли считать тот пьяный случай с подчиненным на фирме, Степаном, изменой? Тогда, на новогоднем гулянии ей стало особенно одиноко. Лямзин с женой умотал за границу, к сыну, и она оставалась в городе без мужчины и без тепла. Она не помнила, что именно привлекло ее в Степане. Кажется, его залихватские, слегка вульгарные застольные тосты, очень ладно сочетавшиеся с широкими плечами и упоительно крестьянским именем.

Семенова сама повела его за собой в кабинет. Пьяные, спотыкались на лестнице, и тогда он с хохотом хапал ее за круп. Захлопнули дверь, завалились, не включая огней, на дубовый стол с шершавым сукном. Он спустил штаны и с пьяным восторгом уткнулся носом в ее выпростанные наружу большие груди. Ей было жарко и томительно и хотелось, чтобы Степан поскорее оказался внутри, но как только пошли толчки, и над ней задергался его растрепанный чуб, и язык его начал выделывать в воздухе кренделя от бесконечного самцового восторга, желание вдруг совсем пропало. И только неприятно давило и тыкалось что-то внутри, и хороводились мысли о постороннем – о слетевшей пуговке, о том, не стоит ли томно закрыть глаза, чтобы неясно было Степану, что никакого блаженства не существует, что есть только неловкое копошение тел, и легкая дурнота, и городские гудки за окнами.

Через пару недель она забежала на фирму взглянуть на сметы, Степан суетился в коридоре, пытаясь попасться ей на глаза. «Как бы не донес Андрею», –

подумала Семенова и вызвала его к себе.

Марина, – начал Степан, многозначительно улыбаясь и поглаживая сукно стола – того самого, на котором бился когда-то в любовной горячке.

Марина Анатольевна, – поправила его Семенова строго и просто и протянула ему почтовый конверт. – Вот вам, Степан, небольшая премия. Съездите с женой и детьми на отдых. Вы заслужили. Как работник отдела…

Отдела снабжения, – договорил за нее Степан, посерьезнев и как-то потемнев здоровым своим лицом. Но конверт взял и вышел от нее почтительно, как положено выходить от большой начальницы.

Отдел снабжения… Там же работал бедняга, попавший на днях в аварию. Травмы, несовместимые с жизнью. Халатность дорожных служб… Чайник вскипел, подсветка его заплясала. На кухню зашел Ильюшенко, помог Семеновой достать из буфета фарфоровые чашечки. Металлический крестик его волновался и хлопал по рясе.

Ну так что, Мариш, чем кончилось с Капустиным? С главным прокурором?

Сторговалась до тридцати процентов с дохода.

И все?

Плюс уступила свои акции завода газировки. Контрольный пакет. Андрей их на меня переписал, когда его министром назначили. Не все же своей мымре оставлять.

Она вспомнила дрожащий подбородок Капустина. Дрожащий подбородок с пеньками волос и хищный, а вместе с тем умоляющий, как будто сдающийся взгляд сверху. Он глядел на то, что Марина делала с ним там, внизу, и вена его скакала под кожей виска, как горная речка. В руках Марины Капустин был мал и толст, как подосиновик, и через мгновение в нёбо ей брызнула горечь, прокурор содрогнулся и попятился от нее на неверных ногах. Она достала бумажную салфетку из сумочки Burberry и вытерла рот, чтобы вокруг губ не засохло, не одеревенело семя Капустина.

4

Элле Сергеевне приснилось, что она потеряла свои сапоги. Замшевые, черные, с высокими голенищами, на маленьком каблуке. «Лялюсик! – звал ее из-за двери Андрей Иванович, – скорее же, опаздываем!» Но Элла Сергеевна топталась большими своими капроновыми стопами по паркету, хлопала дверями ротангового шкафа. Сапоги нигде не находились.

Через мгновение Элла Сергеевна очутилась у себя во дворике, где стоял в распахнутой кожаной куртке Андрей Иванович и махал ей ладными коротенькими ручками. «Лялюсик, торопись!» – повторял он нетерпеливо, и она, ступая необутыми ногами по холодной плитке, устремилась к мужу. Добежала или все же одумалась и вернулась в дом – этого Элла Сергеевна так и не узнала, потому что в этот момент вся вздрогнула и проснулась от пронзительного звонка в калитку. «Что? Кто?» – застучало у нее в голове. Она высунула из-под шелкового одеяла тяжелые варикозные ноги и посмотрела на Андрея Ивановича. Он сиял на нее с портрета в серебряной рамочке чуть виноватой улыбкой. Рядом, на тумбе, темнел заложенный парчовой закладкой молитвослов. Духовник велел читать понемножку утром и вечером, особенно истово – в первые сорок дней. Ты плачущих утешение, сирых и вдовиц заступление…

После опознания и страшных, но необходимых процедур то, что было Андреем Ивановичем, привезли из морга домой. Попусту Элла Сергеевна волновалась, что следствие не уступит покойника, и его не поспеют отпеть на третий день. Зря в ночных кошмарах ей грезились патологоанатомы и щелканье реберных ножниц. Судебные эксперты подытожили ровно в срок: внезапная остановка сердца. Правда, странные обстоятельства смерти и обнаружение министерского тела на окраине, под проливным дождем, рождали толки и шепотки. Эллу Сергеевну вызывали к следователям допрашивать о семейной обстановке. Она не сдерживала рыданий и кляла Марину Семенову. Почти десять лет дьяволица сосала из покойника кровь. Он разрывался, мучился угрызениями. Его терзали какие-то загадочные письма от неизвестных соглядатаев. Да, бывал у кардиолога. Врачи запретили жареное и копченое, сало и соленую рыбу. Но Андрей Иванович плевал на запреты, упрямый характер. Астролог, к которой ходила Элла Сергеевна, частенько повторяла: «Овны как зароются в землю рогами, так их и не сдвинешь с места». А вот смерти его не увидела. Насильственную смерть смотреть по восьмому дому, естественную – по одиннадцатому. Венера в оппозиции к Сатурну…

Рука Эллы Сергеевны нащупала выключатель в ванной. Лицо опухшее, голое, такое уязвимое без толстых, директорских стрелок, без кирпичных румян, без крупного жемчуга на чуточку обвисшей шее. Она вспомнила напудренную физиономию Андрея Ивановича в роскошном палисандровом гробу с двумя крышками. Вынося, задели дверной косяк. Наталья Петровна, заместительница его по министерству, закрестилась, завсхлипывала – дескать, дурная примета. Губернатор же на прощание не явился, уехал в командировку. Скорбящие шушукались. Кто-то тихо произнес слово «откат», другой подхватил «шантаж», третий – «депрессия». Элла Сергеевна не вслушивалась. Она глядела на тонкую молчаливую спину прилетевшего из заграницы сына. Тот не пробыл и пары дней, не пролил ни слезы и улетел назад, учиться. Там, в трастовых фондах, хранились припрятанные Андреем Ивановичем денежки – не раскопаешь, не придерешься.

Элла Сергеевна прислушалась. Звонок не повторялся. Может быть, придремалось? Обычно двери открывала домработница Таня, но сегодня у сычихи был выходной. После поминок, унося из столовой посуду, Таня вдребезги разбила чашку из свадебного сервиза – подарок Элле Сергеевне от мамы. Советский дефицит. Увидев фарфоровые осколки, Элла Сергеевна сорвалась, обозвала домработницу идиоткой. Та опустила голову, костяшки сухих и нелепых рук ее побелели. «Надо ее выгнать все-таки», – думала теперь Элла Сергеевна, скручивая мокрое полотенце и начиная легонько похлопывать себя снизу по подбородку, чтобы не провисал.

Домработница Таня с недавних пор вызывала у нее растерянное беспокойство, а со смерти Андрея Ивановича тревога сгустилась, зачертыхалась запертым в банке ночным мотыльком. Началось с картины, которая висела в гостиной над круглым дубовым столом – большой ростовой портрет хозяина. Художник Эрнест Погодин зачем-то изобразил Лямзина в генеральском мундире с золотыми эполетами и с неопределенным золотым же крестом на груди, как бы намекая на будущие, увы, не случившиеся государственные награды. Как-то раз Элла Сергеевна вызвала мастеров почистить запылившийся холст. И, когда картину, кряхтя и гакая, снимали с гвоздя, откуда-то из внутренней полости рамы выпала и покатилась по паркету черная плитка домино, по одной белой точке на каждом квадратике. У Эллы Сергеевны сразу засосало под ложечкой. Неожиданная находка – не иначе как тайный подклад, злокозненная порча. Но кто мог засунуть плитку в картину? Гости? Нет, они ведь всегда на виду друг у дружки. Тогда молчаливая домработница. Больше некому. Когда Андрея Ивановича нашли мертвым, Элла Сергеевна сразу вспомнила про коварную Таню и ее домино. Неужто сработала ворожба?

Снова раздался звонок – требовательный, настырный. Элла Сергеевна бросила мокрое полотенце в умывальник и ринулась искать привезенный мужем из Китая цветастый халат – накинуть поверх бившейся по икрам ночной сорочки. Проснулся и закувыркался в памяти вчерашний день – суетливый и душащий. Впервые после трагедии Элла Сергеевна отправилась на работу, в школу. Тут же потянулась вереница соболезнующих. И вначале сладко, усыпительно и слезно было слушать про непостижимую утрату и вечную память, про потрясение от ужасной новости, про готовность разделить ее черную вдовью боль… Затеснились учителя, замелькали лица родительниц, а после обеда в кабинете и вовсе было не протолкнуться. Осторожно вплывали дамы из управления образования. Заскакивала помощница Андрея Ивановича Леночка с часами умершего босса, забытыми на рабочем столе. Приводили зачем-то первоклассников с гвоздиками. И куда было девать гвоздики? Не в вазу же.

В воздухе воняло бездной, и темная муть колыхалась в сердце Эллы Сергеевны. Ее знобило и ломало от смутного страха. Без исполинской защиты Андрея Ивановича она делалась крошечной, чепуховинной. А вокруг плотоядно теснились, злорадствовали подчиненные. Зам по воспитательной работе зачем-то подсунула распечатку помойной статьи журналиста Катушкина, дескать, судить за такие пасквили надо. Пройдоха Катушкин намекал на золотые горы в лямзинских закромах, ссылался со словесными подмигиваниями на «прельстительную подельницу министра» Марину Семенову и с особенным юмором подчеркивал отсутствие губернатора на прощании. Дескать, на покойнике шапка дымилась еще при жизни, а сейчас вот-вот разгорится в полную масть. Анонимки, мол, которыми затравили Лямзина, якобы пестрят разоблачениями адюльтера и превышениями полномочий. И якобы прокурору Капустину нынче есть чем заняться. Мол, того и гляди начнется подкоп под вдову. Под конец паршивец Катушкин туманно намекал на непорядки в подвластной Элле Сергеевне школе.

И вместо того чтобы разозлиться, чтобы налившись презрением, вышвырнуть поганые листочки в перфорированную урну, она вдруг застыла с застрявшим внутри трусливым комком. А что если вычислят? Что, если вынюхают, как Элла Сергеевна аккуратно вписывала в журнал выпускного класса оценки по обществознанию. Оценки и темы уроков, которых в действительности не было. Или что, сговорившись с главной бухгалтершей, сальной теткой в оренбургском пуховом платке, она годами подавала документы о начислении зарплаты на несуществующих учителей. И этим призрачным педагогам не только исправно отстегивали ежемесячно из кассы, их еще и поощряли премиями за особо важные достижения. А в гардеробщицы Элла Сергеевна записала бедную

родственницу, появившуюся в школе лишь однажды. Зарплата между тем текла. Сглотнув холодную слюну, Элла Сергеевна решила уволить полтергейстов одним махом, за какую-нибудь провинность.

Завучихи суетились, крашеные волосы их выбивались из-под пластиковых зажимов распушенными от страха хвостами. Элла Сергеевна чувствовала: они тоже боятся подкравшейся неизвестности, они готовы отречься от нее по первому петушиному крику. Но этому не бывать. Все, все замазаны. В кого ни ткни – каждый тянул с учеников. Аттестаты зрелости, запертые в несгораемом шкафу, выдавались за тайную пеню. Не платишь родной школе – остаешься без документа. «Сборы на компьютерный класс…» – вспомнила она. Деньги, липкие, с миру по нитке, несли к ней в тяжелых конвертах со списками фамилий – кто сколько сдал. На двери класса пока качался замок, зато в кабинете Эллы Сергеевны, на стенке возник ультратонкий монитор. По мановению хозяйки он поворачивался в разные стороны, как живой, сверкая квадратной жидкокристаллической мордой.

Учителя, вот кто мог напасть нежданно-негаданно, вцепиться в нее мертвой хваткой. Уж сколько лет Элла Сергеевна держала их на голой ставке. Областные праздники, смотры, выборы, городские олимпиады и конференции – на всех этих пиршествах духа они отпахивали свои сверхурочные. А грамоты, благодарности и премии доставались одной лишь Элле Сергеевне. Хамка-словесница попыталась донести в высокие инстанции, но, спасибо покойному Лямзину, жену его, Эллу Сергеевну, не тронули пальцем. Зато словесница полетела в тартарары. И больше ни одна душа не смела покушаться на директоршу…

Она просунула руки в скользкие рукава халата; дрогнуло и растроилось, расшестерилось ее отражение в трюмо шифоньера. Галстуки Андрея Ивановича закачались на металлической вешалке, похожей на позвоночник с торчащими елочкой ребрами. Вместо черепа выгнулся вопросительным знаком крюк. Сын рассказывал: полосы на американских галстуках идут от правого верхнего угла к левому нижнему, на британских – наоборот. А если крест-накрест? Решетка получится… Галстуки следовало раздать водителям Андрея Ивановича. «Он отпустил водителя в тот вечер», – в сотый раз вспомнила Элла Сергеевна. Зачем, зачем… Она вдруг осознала с новой ясностью, что мужа больше не будет, никогда не будет, совсем, и она, забыв об иерихонском звонке, осела на край разворошенной с ночи постели.

Проклятая Семенова. Элла Сергеевна заподозрила гиблую мужнину связь еще тогда, когда Лямзина только-только оторвало от нее и унесло, утащило гейзером влюбленности. Когда он перестал по ночам подбираться к ней с короткой и теплой супружеской лаской. И, попеняв на тяжелое бремя работы, поворачивал к ней крепкий затылок, забывался холодным, далеким храпом. Растравленная его бесстрастностью, Элла Сергеевна перебрала все возможные секретные капли – шпанскую мушку и конский возбудитель, экстракт арктического криля и вытяжку из печени рыбы, настой женьшеня и дикий перец. По несколько капель в чашку с его вечерним чаем. Но вместо того чтобы загореться полымем желания и ринуться на нее с утолстившейся шеей и налитыми кровью глазами, как дождавшийся гона лось, Андрей Иванович позеленел и заперся в уборной. Его мучительно рвало.

На официальные гулянки и перерезания ленточек он теперь ходил без жены. И Элла Сергеевна знала, что там, среди разряженных гостей мероприятия наверняка крутилась она, эта подлая девчонка, охотница за лямзинским состоянием. Ненависть пожирала ее живьем, и неясно было, кто ей противен больше, Семенова или собственный муж. Элле Сергеевне казалось, что вот-вот и ей придется на старости лет остаться одной, опозоренной, оплеванной. Но годы шли, а Андрей Иванович продолжал возвращаться домой, в семью, сначала почти не скрывая плутовато-счастливой улыбки, потом с поджатыми губами, с раздраженным, одышливым бурчанием.

Его помощница, несносная Леночка, как-то шепнула Элле Сергеевне на юбилее завода газированных вод, что ей жалко Андрея Ивановича. Что тот обещал Марине Семеновой развестись, как только сын подрастет и устроится учиться за границей. И вот, сын подрос и благополучно устроен в элитный колледж, а воз и ныне там. И теперь, дескать, Семенова пилит Лямзина ржавой пилой, проедает ему мозги. Глупая Леночка думала, Элла Сергеевна разделит мелкое злорадство, зайдется торжествующим смешком. Но она лишь вспыхнула, заметала искрами из глаз. Как смела эта жалкая сошка шушукаться с ней, с бывшей депутаткой облсобрания, с директором школы, женой министра. Пусть идет вон, нахальная малолетка. Надоели, достали ничтожные выскочки! Клопы, тараканы, мясные мухи! Не смейте трогать Андрея Иваныча!

Впрочем, и сам Андрей Иванович был хорош. Бог знает сколько компаний переписал он на ненасытную любовницу. Сколько миллионов истратил ей на подарки. «Не мои же миллионы, – как-то сказал ей Лямзин, – а казенные». Они впервые открыто говорили о Марине Семеновой. Часы тикали на комоде,

потряхивая позолоченными стрелками. Шел третий час ночи, и Лямзину не спалось. Холодной испариной покрылись его мягкие щеки. Он рассказывал жене про анонимки. Про угрозы, приходившие с непонятных электронных адресов. Он пожаловался на шантаж прокурору Капустину, а Капустин, оказывается, шутя, спихнул на нее, на жену. Дескать, это вас, наверное, Элла Сергеевна в семью возвращает. «Но я от тебя не уходил и не уйду», – заверял супругу чуть не плачущий Лямзин, гладя ее крупные пальцы, голые, без снятых на ночь бриллиантовых колец. Нервы у него к концу стали ни к черту. «Конечно, не уйдешь, козлина, – думала про себя Элла Сергеевна, – но только потому, что губернатор объявил программу семейных ценностей. Разведешься, – полетишь со всех постов. И доить тебе станет некого». Так их ячейка общества осталась цела и нетронута.

Звонок в ворота затенькал с пущей силой, назойливо, протяжно, как зубное сверло. Элла Сергеевна даже различила какой-то отдаленный рев. «Неужели вскрывают болгаркой?» – испугалась лямзинская вдова, сорвалась с кровати и, покачиваясь, ударяясь об углы тяжелой краснодеревной мебели, заспешила вниз, во двор. Записка! Она ведь вчера получила записку. «Жди гостей, старуха!» – зловеще обещали печатные буквы на сложенном вчетверо плотном бумажном листе. Она нашла ее вечером, когда директорский кабинет опустел. На столе, в ворохе документов. Не придала никакого значения. Даже забыла напрочь! Но именно эта записка гнездилась у нее в мозгу темной кляксой, это она не давала покоя во сне. Записка, о которой Элла Сергеевна не желала думать. «Жди гостей…» И вот, непрошеные гости явились. Экранчик видеофона в коридоре барахлил и показывал только кривые полосы.

Дубовая лестница закачалась под ее медвежьими шагами. Поворот, еще поворот. Ладонь ткнулась в бамбуковые обои со стразами. Гостиная, хмурая, с задернутыми шторами. Андрей Иванович недовольно щурится с картины Эрнеста Погодина, генеральские эполеты совсем потускли.

Ах ты, ядрена!.. – выругалась Элла Сергеевна, больно ударившись о ренессансный табурет, подарок министра культуры.

Мысль о записке не отпускала. «Чертовы дети, – проносилось у нее в голове, – а кто же еще». Дети и вправду совсем распустились. Недавно вызывала к себе на ковер старшеклассников, одного за другим, по очереди. Распекала и распинала. Дурачки с чего-то повадились ходить на уличные собрания, покушаться на небожителей, злословить на власть. Червивую заразу распускали студенты-

агитаторишки, набравшиеся пакостей из интернета. Смущали неразвитые умы. Родители школьников-смутьянов мямлили и блеяли, обещали повлиять, а Элла Сергеевна, руки в боки, раскатисто громогласила:

Вы понимаете, что это серьезное дело? Вашего ребенка незаконно используют! Я вынуждена буду позвонить в спецорганы, его поставят на учет, он никуда не поступит! Это клеймо на всю жизнь!

Пропащие дети держались смелее, дерзили, отмахивались, наученные своими кураторами. Мало того, наседали на директрису хитро, обвиняюще, дескать, вы нам обещали компьютерный класс к сентябрю, а дверь до сих пор на запоре. А на все ее запреты таскаться на гадкие уличные собрания выставляли рога, гвоздили про конституцию. Одна удивительно развязная десятиклассница даже заявила, что никто ей не пудрит мозги, кроме самих учителей и лично директора, которые, дескать, развесили в коридорах школы осанны губернатору и цитаты первых лиц государства. Подлая, неуправляемая дрянь. Наверняка она и подсунула записку.

Вы марионетки! – закричала тогда Элла Сергеевна, ворвавшись в класс, окруженная взволнованными своими генеральшами, классной дамой и завучихой по воспитательной части. – Вы хотите революции? Вы хотите крови? Вы хотите, как на Украине? Бездари, неучи, тупицы! Ничего вы не знаете, кругозорчик у вас узенький! А пожили бы вы по-нашенски, в девяностые, хлебнули бы грязи и нищеты, сделались бы шелковые!

Но старшеклассники, накачанные вредительской пропагандой, напичканные паучьими провокациями из интернет-помойки, всё тявкали и тявкали про воровство, про несправедливость, про родительские копейки.

А почему живем на копейки, скажите? – орала классная. – Ну давайте, говорите! Продемонстрируйте мне свои знания! У нас экономическая блокада, блокада, блокада! Нас душит Европа, на нас лязгает клыками Америка. А почему так, отвечайте! Ну, говорите!

Потому что мы нарушили… – затукали вразнобой голоса.

Потому что мы сильные! – ревела завуч. – Потому что нас боятся!

Волосы ее выбились из заколки, голос ломался, как у заевшей механической мельницы. Элла Сергеевна знала, что одинокая завучиха завела любовника-дворника. Молодого, кареглазого, у которого в Средней Азии остались жена и трое детей. Держит его для лежачих утех, как тигра, подкармливая ученическими деньжонками. Но Элле Сергеевне тоже хотелось любви, мясистые ляжки ее еще не усохли, еще годились для страсти. Но Лямзин зарывался под одеяльце и редко, неохотно отвечал на женины домогательства. Случалось лишь на рассвете, когда сильная рука ее находила на ощупь и с силой сжимала его проснувшегося, приподнявшего головку зверя. И тогда министр уступал и, полусонный, почти ничего не ведающий, с не продравшимися еще глазами, налезал на распахнутое женино тело. Теперь же Лямзина не было вовсе. Пустовал его кабинет. Мерзла коллекция ружей. А снаружи злобно, брезгливо звал звонок…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ganieva_alisa/oskorblennye-chuvstva

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить